

СКАЗКА

Рассказывают, будто бы к ребятам в Англии пришел человек с Севера. Он был в высокой шапке и в меховой шубе. Шапка у него была большая, и сам он был большой. Ребята испугались, они не знали, кто это такой, «Кто из вас знает «Шалтай-Болтай»? — сильным голосом весело спросил человек в шапке. Ребята засмеялись...

А высокий человек снял шапку, размотал шарф и сел за стол, и показался ребятам совсем не грозным и не высоким, а ласковым и добрым. Он прочел эти стихи сначала по-русски, а потом по-английски. Это был Маршак.

Мне это самому рассказывали однажды, как сказку...

ВОСПОМИНАНИЕ

Я познакомился с Самуилом Яковлевичем Маршаком после войны, вскоре же. Это было на Первом всесоюзном совещании молодых писателей. Помню, что было это в конце дня. Маршак неожиданно пришел к нам на семинар и спросил, кто из нас из Ялты. Я не сразу сообразил, что это я... Я действительно приехал на это совещание от Крыма, но я не был из Ялты. Так только по ошибке написали в моем делегатском билете. Приехал я из Симферополя... Однако Маршак не стал во все это вдаваться и тут же, как земляка, пригласил меня на завтра к себе. Я тогда не мог еще в полной мере оценить, что значит получить такое приглашение.

Заявился я к нему не один, а с товарищем, который был со мной вместе на этом совещании и, узнав, что я направляюсь к Маршаку, буквально уцепился за меня, умолял взять его с собой. В Москву он приехал с Урала и писал стихи детские. Приехали мы к Маршаку почему-то рано, рано утром, чуть ли не затемно.

САМ

Я люблю один снимок в доме Маршака. Это снимок такой... На нем стоит великан, человек с огромной бородой, разделенной надвое. Борода белая.

Это Стасов, Владимир Васильевич, объединяющий в своем лице художников, писателей, музыкантов, композиторов. Глава «могучей кучки», как его называли. Борода у него расчесана надвое и настолько длинная, что один конец этой бороды в одном углу снимка, другой — в другом. А под ней стоит гордый, светлый и еще не догадывающийся о себе мальчик... «Сам», как называл его Стасов.

Маршак внизу, а над ним стоит Стасов.

Этот снимок — целая история. Вот что я знаю об этом. Стасов был одним из людей, воспитавших Маршака. Маршак спал в доме у Стасова на диване, в его кабинете, иногда даже в его служебном кабинете в личной библиотеке в Петербурге.

Оба такие важные, торжественные и, должно быть, давно любящие друг друга...

К ТОЛСТОМУ!

Как возникли эти снимки? Стасов был человек с горячими руками. Ему непременно хотелось показать своего любимца Толстому. Он взял однажды маленького Сама за руку и повел его в город, к самому лучшему фотографу. Ему непременно хотелось, чтобы снимок был хороший.

Этих снимков несколько. Маршак и Стасов рядом. Высокий Стасов положил руку на плечо Саму. Маленький Маршак, сидящий за столом.

Любивший Маршака Стасов повез эти снимки в Ясную Поляну.

— Лев Николаевич, — сказал Стасов Толстому, — посмотрите, какое серьезное лицо у этого мальчика! Я

С. Я. Маршак в Ялте, ноябрь 1963 г. Публикуется впервые.

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК

Василий СУББОТИН

В углу двора, до самых крыш забитого и льдом и снегом, как бывают забиты снегом московские дворы в самом конце зимы, мы разыскали нужный подъезд. Его кабинет показался мне темным и даже тесным от шкафов с книгами, которыми он был заставлен. Он выходил в тот же двор и единственным окном своим почти упирался в глухую красную стену. В кабинете было два кресла и стол.

Маршак придвинулся к нам и попросил рассказать о себе. Я тогда только что пришел с войны и писал самые первые свои стихи. Я не знал, с чего начинать... Маршак, заметив это, стал меня спрашивать. Постепенно он меня разговорил. Помню еще, посреди разговора неожиданно и как бы сама собой открылась дверь и в комнату тоже как бы сам собой вкатился стол-столик, заставленный закусками и чаем.

Комната, в которой мы оказались, была маленькая, тесная, а Маршак был большой, грузный... Перед тем как войти в арку, мы увидели дощечку, на которой прочли, что именно в этом доме жил Чкалов. И мне невольно вспомнились стихи, когда-то прочитанные мной: «Дети нашего двора, Чкаловского дома...» И действительно, пока мы сидели, через открытую настежь форточку с этого двора все время доносились голоса детей...

Мы читали стихи. Я читал первым. После того как я заканчивал чтение, Маршак брал у меня из рук тетрадку и то же самое читал еще раз. Он говорил много интересного, и мне жаль, что я не все запомнил. Но кое-что все-таки запомнил. Он заметил, например, должно быть, после того как я закончил, что стихи поэтов, вышедших из деревни, всего чаще страдают ритмическим однообразием и даже некоторой однотонностью. Но что мир ребенка, выросшего в деревне, другой, свой собственный... Человек в деревне видит мир сразу весь, он у него с самого начала весь перед глазами. Поэтому связь деревенского жителя с миром первороднее.

Так он говорил.

Еще почему-то мне о Горьком запомнилось.

— Я никогда его ни о чем не просил. Берег это чувство...

И о том, что у Горького была большая и острая слава и что, когда Горький появлялся на Невском, за ним бежало людей больше, чем за каретой царя... О Блоке рассказывал.

Больше всего Самуил Яковлевич говорил нам о том, каким святым должно быть наше отношение к литературе.

Замечательный день был. Мы пробыли у него долго, когда же нам пришла пора уходить, Самуил Яковлевич вызвал машину и отправил нас домой. Мы жили с другом в гостинице около Киевского вокзала.

Самуил Яковлевич был в тот год очень полным. Когда ему потребовалось перейти от одного кресла к другому, он задохнулся. Несмотря на эту внешнюю свою беспомощность, а может быть, и вопреки ей, он произвел на меня впечатление человека необычайно сильного.

На прощание Маршак подарил нам книги. Мне, я помню, тогда досталась маленькая книжечка лирических стихов, вышедшая у него сразу после войны, с зеленой елочкой на обложке...

Первая в жизни книга с автографом у меня была от Маршака...

верю, Лев Николаевич, что это надежда... Благословите его, Лев Николаевич, — попросил Стасов у Толстого.

Толстой глянул на мальчика с тяжелой головой, задумчивого, опершегося о стол. Снимок ему понравился, но он сказал:

— Что-то не верю я в этих вундеркиндов...

Каким-то образом об этом стало известно Маршаку.

— Я потом долго обижался на Толстого, — говорил Самуил Яковлевич смеясь,

ПОДАРОК

Когда родилась у меня моя дочка, она еще не знала этого, а Маршак уже подарил ей книгу. Это была маленькая книжка-игрушка, совсем особенная книжка. Медведь, играющий на гармошке. Гармошкой служила книжка Маршака. Календарь!

Сенокос идет в июле.

Где-то гром ворчит порой.

И готов покинуть улей

Молодой челиный рой.

Моя дочка очень любила эту книгу и знала ее наизусть...

Я не могу представить себе! Маршак, спавший в кабинете у Стасова на его старом диване. Да, у Стасова, который родился при жизни Пушкина и мог бы видеть его! Который мог знать Крылова, знал Некрасова, встречался с Тургеневым, дружил с Толстым!

Я вновь обращаюсь к этой мысли... Когда моей дочке было три года всего, Маршак подарил ей книжку. Я тогда только что познакомился с Маршаком.

Я невольно подумал вот о чем. Где Пушкин и где моя Иринка? Вот как все близко. Все это близко, все это рядом. Через одного человека. Через Маршака.

ПРИМЕР МАРШАКА

Все сваливалось на него. Смерть сына, потери близких, болезни. Все сваливалось на него одно за другим. Но он упорно работал, делал свое дело, тащил на себе тяжкий воз свой и чувствовал на себе тяжелую ношу наставника.

Ночами, мучимый бессонницей, когда он уже перестал видеть, он стал писать свои замечательные миниатюры, маленькие, короткие стихотворения, писал, полагаясь на память, запоминая их наизусть.

Он жил и умер с пером в руках.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Художественные решения Маршак принимал медленно, он подолгу не решался опубликовывать свои стихи, неизменно проверял себя, сомневался. Не знал часто, какой из вариантов строфы лучше, выгоднее. Так всегда казалось.

Для него это было важно, поэтому он звонил друзьям и знакомым, советовался.

Он мог спросить у каждого, даже у школьника, у своего маленького читателя. Все, что с ним встречались, могли услышать однажды от него этот вопрос.

Меня этот вопрос почти всегда заставлял врасплох. Я не знал, что ему сказать, мне чаще всего и тот и другой варианты нравились, каждая строчка была хороша по-своему. И тогда, желая подтолкнуть мое воображение, Маршак спрашивал решительно:

— Ну, а по ощущению?

Ощущение, по ощущению... Для него это было очень важно, для него это было свое, наиболее точное, безошибочное, как мне сейчас кажется, поэтическое мерило.

Неизменно задавал всегда один и тот же этот вопрос. Но всем нам только казалось так, что он советуется. На самом деле он всегда делал третий вариант.

СХВАТКА

Маршак был скор на расправу. Многие это знают, испытывали на себе. Вот случай, о котором мне рассказывала когда-то Тамара Семеновна Абацидзе, известный врач. Маршака, как она говорит, она знала мало, один только раз видела, но не может забыть его с тех пор.

Это случилось, я не помню уж точно где, где-то в ресторане столичном, где собрались наиболее знаменитые писатели тогдашние, все тогда еще люди очень молодые. В самый разгар веселья какой-то пьяный, ввалившийся в зал человек стал ко всем приставать, пытался затеять скандал. Никто не знал, как быть. Даже всем известный писатель тогдашний, большой здоровяк, косая сажень в плечах, и он не знал, что делать... И только один Маршак («маленький, чудный» — она говорила о нем), весь бледный, яростный, схватил дебошира за ворот и вынес его вон.

Рассказывала об этом с восхищением, хотя с тех пор прошло уже очень много лет.

ЛЕБЕДЕВ

Дело было в типографии, в цехе типографском, в те дни, когда выходила одна из первых книг Маршака. Он пришел, чтобы посмотреть рисунки.

Рисунки были слабыми. Издатели измучились, редактор хватался за голову — неизвестно, чего он еще хочет, этот Маршак!

— Что вы хотите, Самуил Яковлевич? — спрашивали у него. — Какого вы художника еще себе хотите?

Маршак и сам не знал, что он хочет, но рисунки ему не нравились. Все, что ему ни показывали, ему не нравилось. В это время он увидел под ногами у себя затоптанный кем-то рисунок акварелью, оттиск, который ему очень понравился. Рисунок валялся под ногами и был уже затоптан.

— Вот такого, — сказал Маршак и показал на рисунок редактору.

Это и был Лебедев, художник, оформлявший потом все книги Маршака.